

Как и Гердер, Карамзин сближает историю общества с историей природы, проводя прямые аналогии между тем и другим. Вслед за немецким философом Карамзин связывает это представление с идеей о непрерывности развития.

Для Карамзина периода «Московского журнала» оказывается уже неприемлемой масонская концепция истории, но и просветительская концепция в ее руссоистском варианте противоречит представлениям писателя. Если для Руссо с его идеализацией «естественного человека» путь развития неизменно был возвращением к истокам,¹¹ то Карамзина такое решение не удовлетворяет.

В начале 1790-х гг. его отношение к просветительской идее «естественного человека» оказывается противоречивым. Вслед за Руссо Карамзин с восхищением описывает простые нравы швейцарских пастухов, а Швейцарию как «землю свободы и благополучия». Ощущение своего единения с Природой, испытанное им в Швейцарии, и освобождение от страха смерти становится для Карамзина собственным опытом, как бы подкрепляющим философское обоснование идеи бессмертия. Общение с альпийскими пастухами вызывает у путешественника совершенно руссоистские размышления: «Я с радостью отказался бы от многих удобностей жизни (которыми обязаны мы просвещению дней наших), чтобы возвратиться в первобытное состояние человека». Подобные тирады нельзя, однако, принимать за выражение исторической концепции «русского путешественника», настойчиво стремящегося приобщиться к современной ему европейской культуре. Достижения человеческого разума, развитие искусств — все это представляет для Карамзина свидетельства несомненного прогресса в развитии человечества.

Приведенному выше пассажи можно противопоставить ряд других (одновременных!) высказываний из «Писем русского путешественника», опубликованных в «Московском журнале». Описывая красивые строения и хорошо обработанные поля по берегам Соны, Карамзин рассуждает: «Я воображаю себе первобытное состояние сих цветущих берегов... Здесь журчала Сона в дичи и мраке; темные леса шумели над ее водами; люди жили, как звери, укрываясь в пещерах, или под ветвями столетних дубов, — какое превращение!.. Сколько веков потребно было на то, чтобы сгладить с натуры все знаки первобытной дикости» (I, 362—363). Здесь писатель, как видим, весьма далек от идеализации «естественного человека», от веры в реально существовавший «золотой век».

Убежденный в поступательном развитии исторического процесса, Карамзин признает, что в ходе этого развития возможны длительные задержки и даже отступления. Вполне в духе Гер-

¹¹ См.: Лотман Ю. М. Идея исторического развития в русской культуре конца XVIII—начала XIX столетия. — В настоящем издании, с. 82—90.